

ECONOMIC AND SOCIAL GEOGRAPHY

УДК 913

Дружинин А.Г.

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
Институт географии РАН, г. Москва, Российская Федерация

**ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА**

***Аннотация.** Статья посвящена оценке влияния фактора «внутриконтинентальности» на пространственную экономическую динамику. Рассмотрены критерии идентификации государств как «внутриконтинентальных» (подразделяемых на «собственно внутриконтинентальные», «квазивнутриконтинентальные» и «квазиморские»). Акцентировано наличие пространственных кластеров внутриконтинентальных государств (включая Европейский и Азиатский кластеры), оценены их позиции в глобальном масштабе. На основе анализа статистических данных Всемирного банка выявлены особенности экономического развития внутриконтинентальных государств Евразии за 1995 - 2020 гг. а также их положение в дихотомии «рост численности населения — депопуляция». Установлено отставание внутриконтинентальных государств от среднемировых темпов экономического роста, а также сохраняющаяся (и углубляющаяся) асимметрия между Европейским и Азиатским кластерами по «объёму» генерируемой ими экономики, усугубляемая существенными (и пролонгированными) различиями между ними в демографической сфере. На основе межстрановой (и межрегиональной) компаративистики показано, что «фактор внутриконтинентальности» в целом имеет место, но, при этом, во многом опосредован центро-периферийной структурой социально-экономического пространства, зависим от характера межстрановых интеграционных процессов, транспортной инфраструктуры и логистики, геоистории, экономического «профиля» той или иной страны, а также особенностей воспроизводства её населения.*

***Ключевые слова:** внутриконтинентальные государства, континентально-океаническая дихотомия, экономика, демографическая динамика, Евразия, Центральная Азия, общественная география.*

Druzhinin A.G.

North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems
of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation,
Institute of Geography of RAS, Moscow, Russian Federation

**INTERCONTINENTAL STATES OF MODERN EURASIA: ECONOMIC POSITIONS
AND DEMOGRAPHIC DYNAMICS**

***Abstract.** The article is devoted to the assessment of the influence of the factor of "intra-continentiality" on the spatial economic dynamics. The criteria for identifying states as "intra-continential" (subdivided into "proper intra-continential" and "quasi-intercontinential") are considered. The presence of spatial clusters of intra-continential states (including their European and Asian clusters) is emphasized, their positions on a global scale are evaluated. Based on the analysis of statistical data of the World Bank, the features of the economic development of the*

intra - continental states of Eurasia for 1995-2020 are revealed. and also their position in the dichotomy "population growth — depopulation". It is established that the intra-continental states lag behind the global average economic growth rates, as well as the continuing (and deepening) asymmetry between the European and Asian clusters in terms of the "volume" of the economy generated by them, aggravated by significant (and prolonged) differences between them in the demographic sphere. On the basis of inter-country (and interregional) comparative studies, it is shown that the "factor of intra-continentalism" as a whole takes place, but, at the same time, it is largely mediated by the central-peripheral structure of the socio-economic space, it depends on the nature of inter-country integration processes, transport infrastructure and logistics, geohistory, the economic "profile" of a country, as well as the peculiarities of reproduction of its population.

Key words: *intra-continental states, continental-oceanic dichotomy, economy, demographic dynamics, Eurasia, Central Asia, Human geography.*

Введение и постановка проблемы. Континентально-океаническая дихотомия выступает одним из базовых, основополагающих свойств пространственной организации природы и общества. Превалирующие ныне общепланетарные интеграционные тенденции (в последнее время видоизменяющиеся, обретающие новые грани [23]) также оказались теснейшим образом связанными с «океанической» экономикой, базируясь на транспортно-логистическом потенциале Мирового океана, «центрируясь» на ведущих приморских городах (из 55 современных глобальных «альфа-городов» — 34 локализованы непосредственно в пределах морских побережий [13]), их агломерациях, конурбациях, сетях. Неравномерность социально-экономического развития в системе «Суша - Море», в итоге, перманентно сохраняется (по многим аспектам нарастает [17]), порождая устойчивые проблемные ситуации и противоречия, дополняемые, катализируемые демографическими трендами.

Изученность проблемы. Начиная с фундаментальных пионерных работ А. Мэхэна, Л.И. Мечникова и Х. Маккиндера данный феномен идентифицируется, обсуждается и исследуется, что проявляется, в том числе, в стремлении установить воздействие «фактора моря» на развитие тех или иных государств и их регионов [3, 9, 16], равно как и оценить возможности (юридические [10], экономико-географические [12] и транспортно-логистические [8]) их доступа к морским портам и побережьям, выявить хозяйственные особенности (ресурсы, проблемные ситуации и барьеры развития) «внутриконтинентальных территорий» [5].

Характерно, что ещё в 1776 г. выдающийся британский экономист А. Смит в своей резонансной книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» подмечал существенное отставание внутриконтинентальных стран Азии и Африки. Полтора столетия спустя, осмысливая специфику евразийских пространств (своими обширными массивами зачастую удалённых от морских побережий на тысячи километров [5]), экономист и географ Пётр Николаевич Савицкий обратил внимание на наличие «особого внутриконтинентального мира», констатируя, при этом, что «отдельные страны и области мира находятся, в отношении к океану, далеко не в одинаковом положении» [18, с. 106], полагая, что именно внутриконтинентальные территории являются «наиболее обездоленными» в плане возможности доступа к океаническим хозяйственным обменам, уже превалировавшим в сложившейся к концу XIX в. системе миропорядка.

Сформулированное П.Н. Савицким видение феномена «внутриконтинентальности» и экономической специфики соответствующих территорий (ставшее одним из наиболее значимых, «каркасных» элементов классического евразийства, интеллектуально-политического течения и поныне сохраняющего актуальность [14]) в полной мере проявило свою правомерность и в условиях разворачивающейся с последней трети

прошлого столетия глобализации (что, в частности, убедительно показал Л.А. Безруков циклом своих работ в области сибиреведения).

Цель и задачи работы. Основная цель статьи — оценка воздействия фактора «внутриконтинентальности» на общественно-географические структуры и процессы, анализ позиций, «веса» и особенностей локализации внутриконтинентальных государств Евразии, выявление их экономической и демографической динамики за последние два с половиной десятилетия (в том числе в сопоставлении с глобальными трендами).

Материалы и методы. Проведённое исследование исходит из понимания «континентальности» как одной из базовых общественно-географических характеристик, акцентирующих «наличие и качество выхода к морю» [20, с. 170], и соответственно, возможности (необходимости) идентификации «внутриконтинентальности» как антипода строго фиксируемого «приморского местоположения» [20, с. 185]. Методологически весьма непростой и чрезвычайно важной задачей выступает, при этом, установление целевого объекта анализа — группировки собственно «внутриконтинентальных государств». Дело в том, что позиционирование территорий в дихотомии «Суша - Море» являет не только практически полярные ситуации, но и множество промежуточных, переходных, демонстрирующих неявные признаки форм (как справедливо подметили В.А. Колосов и Н.С. Мироненко, чёткое подразделение держав на «стерильно» морские и континентальные возможно лишь теоретически [15]).

Диагностируя «внутриконтинентальность» можно, в частности, основываться на строгом и сугубо формальном критерии — отсутствии у государственного образования юрисдикции над участком (пусть и миниатюрным) морского побережья. Данный подход далее мы будем рассматривать как базовый. Иной, предполагающий более сложную аналитику, способ дифференциации государств на «морские» и «внутриконтинентальные» может быть связан с дополнительным учётом фактора экономически эффективного (400-500 км при наличии развитой транспортной сети [24]) расстояния между системным центром страны и ближайшим к нему устойчиво доступным действующим морским портом (пусть и «чужим»). Для определения государства как «морского» существенно и «качество», достаточность имеющейся у него соответствующей инфраструктуры (морские порты, мультимодальные транспортные коммуникации и др.) и наличие прямого (без сухопутных барьеров) доступа в акватории Мирового океана.

Учитывая ситуацию, уместной представляется постановка вопроса о государствах не только «морских» («приморских») либо «внутриконтинентальных», но и «квазиприморских» (такowymi являются, например, все прикаспийские, исключая, разумеется, Россию; в качестве «квазиприморской» можно рассматривать также Боснию и Герцеговину, обладающую на Адриатическом побережье лишь небольшим городком Неум) и «квазивнутриконтинентальных» (Сан-Марино, Ватикан). Особую, самостоятельную группу являют и «континентально-морские» структуры (с собственными протяжёнными побережьями, развитой морехозяйственной активностью и, параллельно, наличием крупных и сверхкрупных массивов внутриконтинентальных территорий), представленные либо «странами-гигантами» (в Евразии, согласно А.И. Трейвишу [25], это и Российская Федерация, и Китай, и Индия), либо уступающими им по «размеру» государствами, также характеризующимися местоположением «от моря до моря» и претендующими, к тому же, на статус значимого регионального «центра силы» (данные свойства, вне сомнения, присущи Турции и Ирану).

Дополнительную сложность при формировании перечня «внутриконтинентальных» государственных образований создаёт достаточно широкий разброс подходов в определении числа имеющихся в современном мире государств (в ООН их официально состоит 195, в МОК — 206, Международная организация по стандартизации фиксирует 249 государств [19, 20]). Решая данную задачу применительно к Евразии, автор ориентировался на «список» ООН, дополнив его Ватиканом (членом Организации

Объединённых Наций не являющимся), а также Южной Осетией (с 2008 г. признанной РФ в качестве суверенного государства).

Обособленная, в итоге, группировка евразийских «внутриконтинентальных государств» (всего их — 27) основывается на формальном критерии (отсутствие прямого выхода к морскому побережью), дополненном учётом «квазиморской» специфики прикаспийских стран, а также Боснии и Герцеговины, отнесённых к категории «внутриконтинентальных». Оценка их экономической и демографической динамики базируется на статистике Всемирного банка, а также сведениях, предлагаемых справочником The World Factbook. При решении аналитических задач использованы экономико-статистический, сравнительный, исторический методы, а также подходы типологизации и группировки.

Результаты и их обсуждение. Современные внутриконтинентальные государства — непосредственное порождение не только физико-географических обстоятельств (обширности и специфики конфигурации основных массивов суши, включая Евразию, занимающую 53,6 млн. км² территории), но и этнокультурных, геополитических процессов. При этом лишь отдельные внутриконтинентальные политико-территориальные структуры (Андорра, Афганистан, Бутан, Монголия, Непал, Швейцария) исторически оформились как некий «буфер» (относительно суверенный лимитроф, отчасти «изолянт») на этнокультурных «стыках», а также неустойчивых рубежах крупных держав. Абсолютное же большинство лишённых выхода к Мировому океану стран мира (35 из 45) — представляют собой осколки бывших «морских» и «континентально-морских» империй (Испанской, Австро-Венгерской, Британской, Германской и др.). Наиболее активное «внутриконтинентальное государствостроительство» оказалось приурочено, в этой связи, либо к концу Первой мировой войны (в Центральной Европе), либо к периоду 1950-х - началу 1960-х гг., ознаменованных распадом мировой колониальной системы (в Африке), либо (уже в пределах всей Евразии) к имевшему место три десятилетия назад разрушению СССР и СФРЮ (чьим итогом явилось в том числе появление 15 лишённых непосредственного выхода к океаническим акваториям новых независимых государственных образований).

В общепланетарном масштабе внутриконтинентальные государства суммарно занимают чуть более 17 млн. км² территории (11,4 % общепланетарной суши), концентрируют около 587 млн. человек (7,6 % населения планеты), генерируя, при этом, лишь 4,0 % совокупной глобальной экономики, если оценивать её «размер», ориентируясь на валовой внутренний продукт, исчисляемый по паритету покупательной способности (табл. 1). Среднестатистическое внутриконтинентальное государство, в итоге, практически вдвое уступает «медианной» стране мира по размеру территории, не менее чем в 2,5 раза — демографическому потенциалу, а также более чем в 5-6 раз — «размеру» экономики. Вся же группировка внутриконтинентальных государств в своей совокупности — неотъемлемый, значимый (фрагментами даже узловой, как это имеет место в случае с Ватиканом), но, вместе с тем, в геоэкономическом, в геополитическом отношении — отнюдь не доминантный компонент глобальной общественно-географической реальности, характеризуемый, к тому же, выраженной неравновесностью своих составляющих, равно как и сложным «рисунком» их пространственной локализации.

Кластеризация внутриконтинентальных государств: глобальные и евразийские макроструктуры. В общепланетарном масштабе локализация внутриконтинентальных государств совмещает наличие пяти массивов (ареалов) их смежного (при котором, согласно Э.Б. Алаеву, таксоны имеют общую границу[1]) взаиморасположения. Вне их — лишь 12 стран, в том числе 10 — непосредственно в пределах евразийского материка. Именно последний (наряду с Африканским континентом) концентрирует наиболее обширные и предельно удалённые от морских побережий пространства.

Африканский кластер представлен двумя целостными ареалами (первый простирается от Мали и Буркина-Фасо до Руанды и Бурунди; второй объединяет Замбию, Зимбабве и Малави), а также локализованными вне их контуров Эсватини и Лесото. По занимаемой территории, а также численности населения — это крупнейший из всех кластеров внутриконтинентальных государств современного мира, характеризуемый, к тому же, наиболее «провальным», катастрофически низким уровнем экономического развития (душевой годовой ВВП по официальному обменному курсу в целом по кластеру по ситуации на 2020 год составляет 823 доллара США, что в 3,1 раза уступает аналогичному показателю для Азиатского и в 14,1 раза — Европейского кластера).

Таблица 1

Основные макрокластеры внутриконтинентальных государств: территория, население, экономика, 2020 г.*

	Весь мир	Все внутриконтинентальные государства	Внутриконтинентальные государства материка Евразия			Внутриконтинентальные государства Африки	Внутриконтинентальные государства Америки
			Всего	Европейский кластер**	Евразийский (азиатский) кластер***		
Территория, тыс. км ²	148940,0	17089,4	7261,0	739,2	6521,8	8323,2	1505,2
Население, млн. чел.	7772,9	587,2	222,8	68,5	160,3	339,5	18,9
ВВП по ППС, млрд. долл. США	127800,0	4716,6	3815,8	2530,8	1285,0	710,9	189,9
ВВП по ООК, млрд. долл. США	80270,0	2953,4	2594,0	2186,0	407,0	279,7	79,7
в %							
Территория, тыс. км ²	100,0	11,5 / 100,0	42,5	4,3	38,2	48,7	8,8
Население, млн. чел.	100,0	7,6 / 100,0	37,9	11,7	26,2	57,8	4,3
ВВП по ППС, млрд. долл. США	100,0	4,0 / 100,0	80,9	53,7	27,2	15,1	4,0
ВВП по ООК, млрд. долл. США	100,0	3,7 /100,0	87,8	74,0	13,8	9,5	2,7

* составлено по The World Factbook www.cia.gov, а также данным Всемирного банка <https://datacatalog.worldbank.org/>

** Австрия, Андорра, Беларусь, Босния и Герцеговина, Ватикан, Венгрия, Лихтенштейн, Люксембург, Молдова, Сан-Марино, Северная Македония, Сербия, Словакия, Чехия, Швейцария

*** Азербайджан, Армения, Афганистан, Бутан, Казахстан, Киргизия, Монголия, Непал, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Южная Осетия

Приуроченный к западной периферии Евразии ареал (от Швейцарии до Северной Македонии) вместе с сопредельными и в равной мере лишёнными собственных морских рубежей «изолянтами» (Андоррой, Ватиканом, Белоруссией, Молдовой, Люксембургом и Сан-Марино) составляют *Европейский кластер* внутриконтинентальных государств, на общем фоне — компактных, плотнозаселённых, позитивно (усреднённо) выделяющихся уровнем своего экономического развития (по итогам 2020 года на Европейский кластер приходится почти 74 % от ВВП всех внутриконтинентальных государств планеты, если исчислять данный показатель по официальному обменному курсу — табл. 1).

В пределах Евразии уместно идентифицировать также *Азиатский кластер*, представляющий собой сочетание единого (соединяемого Каспием) пространства (от Армении и Азербайджана до Казахстана и Афганистана) с в различной мере дистанцированными от него Южной Осетией, Монголией, Бутаном и Непалом. Это, в своей совокупности, — наименее заселённая часть оконтуренного государственными границами «внутриконтинентального мира»; плотность населения в пределах Азиатского кластера составляет лишь 24,6 чел./км², в то время как в Европейском кластере — 92,7 человека (в целом по всем внутриконтинентальным государствам планеты — 34,4 чел./км²).

В пространственной архитектуре внутриконтинентальных пространств присутствует и «миниатюрный» *Южноамериканский кластер*, представленный всего двумя государствами — Парагваем и Боливией (последняя лишилась собственного участка тихоокеанского побережья в 1860-е гг. по итогам проигранной войны). В охарактеризованной структуре, таким образом, именно Евразия оказывается не только в наивысшей мере насыщенной лишёнными непосредственного выхода к Мировому океану странами (в Африке таковых 16), но и в экономическом, селитебном и демографо-воспроизводственном отношении наиболее контрастной (при межгосударственных сопоставлениях). Существенно также, что именно в пределах евразийского материка обособлены наиболее молодые (по хронологии обретения суверенитета) внутриконтинентальные государства (в том числе, в подавляющей части — постсоветские), пережившие сложную траекторию сочетания трансформационного хозяйственного спада и последующего неустойчивого роста, во многом зависящего от экзогенных факторов.

Экономическая динамика внутриконтинентальных евразийских государств в постсоветский период: основные тренды. Для большинства внутриконтинентальных государств Евразии (15 из 27) первая половина 1990-х годов оказалась ознаменована радикальными политико-экономическими изменениями, повлекшими за собой в том числе и весьма существенный спад хозяйственной активности (от 10 до 35 %), в целом завершившийся к рубежу 1995-1996 гг (кроме Сербии, где повторное резкое, практически двукратное «сжатие» экономики в 2000-2002 гг. явилось следствием агрессии против этой страны со стороны НАТО). Характерно, что к середине 1990-х гг. лишь семь стран (Лихтенштейн, Швейцария, Люксембург, Австрия, Сан-Марино, Андорра и, вне сомнения, Ватикан) имели душевой ВВП, превосходящий среднемировой показатель; все они, при этом, являлись «старыми» западными юрисдикциями [11], относясь к Европейскому кластеру (табл. 2).

Во второй половине 1990-х гг. негатив в экономической сфере сохранялся для ряда постсоветских государств (Беларусь, Молдова, Киргизия, Казахстан, Таджикистан); некоторое снижение ВВП продемонстрировали также Австрия и Швейцария. В 17 странах внутриконтинентальной Евразии, напротив, имел место экономический рост (превысивший средние по миру темпы в Сан-Марино, Словакии, Армении, Андорре и, в особой мере, в Азербайджане).

В «нулевые» годы благодаря благоприятной глобальной конъюнктуре (вплоть до кризиса 2008 г.) экономики всех без исключения внутриконтинентальных государств Евразии существенным образом прирастали (в 21 стране опережая мировой тренд); наивысшей динамикой отличались Азербайджан (за 2000-2008 гг. — почти 7 кратный рост), Туркменистан, Казахстан и Таджикистан.

Разноскоростной экономический рост зафиксирован для всей группировки внутриконтинентальных евразийских государств и в период 2009-2020 гг. Темпы его, при этом, ощутимо (следуя общемировой динамике) замедлились, в 13 странах (преимущественно Европейского кластера) уступая усредненному глобальному показателю.

Динамика валового внутреннего продукта (по официальному обменному курсу) во внутриконтинентальных государствах Евразии за 1995-2020 гг.*

Внутриконтинентальные государства**	Динамика объёма ВВП				ВВП на душу населения, долл. США		
	1995-2000 гг.	2000-2008 гг.	2008-2020 гг.	1995-2020 гг.	1995 г.	2020 г.	2020 / 1995, раз
Австрия	0,96	1,90	1,28	2,34	24520	51370	2,10
Азербайджан	3,50	6,91	1,33	32,10	180	4450	24,72
Андорра	1,50	2,17	1,04	3,38	9354	31525	3,37
Армения	1,33	5,20	1,20	8,33	310	4220	13,61
Афганистан	1,19	1,66	1,36	2,70	400	500	1,20
Беларусь	0,62	3,80	1,14	2,68	2203	6330	3,04
Босния и Герцеговина	1,12	3,16	1,13	4,00	760	6090	8,01
Бутан	2,00	3,00	1,83	11,00	450	2860	6,36
Венгрия	1,07	3,03	1,22	3,68	3660	16530	4,52
Казахстан	0,94	4,77	1,69	8,06	1430	8680	6,10
Киргизия	0,88	2,93	1,85	4,75	520	1160	2,23
Лихтенштейн	1,18	1,62	1,57	3,00	54350	167406	3,08
Люксембург	1,07	2,29	1,09	2,50	39210	70840	1,81
Молдова	0,82	3,86	2,15	6,82	630	4570	7,25
Монголия	1,09	3,92	2,57	11,00	810	3670	4,53
Непал	1,23	2,15	3,00	7,89	200	1190	5,95
Таджикистан	0,92	4,91	1,87	8,42	290	1060	3,66
Туркменистан	1,04	5,52	3,31	18,96	840	7220	8,60
Сан-Марино	1,33	1,88	1,06	2,67	17192	46421	2,70
Сев. Македония	1,11	2,28	1,34	3,4	1750	5270	3,01
Сербия	0,53	3,66	1,15	2,25	2990	7400	2,47
Словакия	1,32	3,11	1,10	4,52	4220	18700	4,43
Узбекистан	1,16	1,74	2,14	4,31	600	1670	2,78
Чехия	1,22	2,95	2,24	8,10	3360	21930	6,53
Швейцария	0,98	1,55	1,52	2,30	46740	87950	1,88
Весь мир	1,25	1,81	1,49	3,39	4664	11553	2,48

* составлено по данным Всемирного банка <https://datacatalog.worldbank.org/>

** данные по Ватикану и Южной Осетии отсутствуют

В итоге, за рассматриваемое двадцатипятилетие (1995-2020 гг.) благодаря совокупности обстоятельств (восстановительный рост, демографически стимулированное опережающее развитие внутренних потребительских рынков, расширение партнёрств с новыми геоэкономическими лидерами, включая, в первую очередь, Китай) все без исключения внутриконтинентальные государства прирастили свой экономический потенциал (от 2 - 8 раз в пределах Европейского кластера, до 2,7 - 32 раз — Азиатского); наивысшая поступательная динамика оказалась присуща, при этом, именно странам, локализованным в Азии. Экономика 16 государств росла выше средних по планете темпами; в 17 — опережающим образом (в сопоставлении с глобальным показателем) увеличился и душевой показатель ВВП (по официальному обменному курсу). Тем не менее, и к 2020 году в подавляющей части внутриконтинентальных государств Евразии (в 16, включая абсолютно все страны, расположенные в Азии) величина душевого ВВП

уступала среднемировой, причём в демографически весьма «крупном» Узбекистане — в 7 раз, в Непале — в 10 раз, в Афганистане — в 23 раза. На этом фоне за истекшее двадцатипятилетие бывшая семёрка «вышесреднеразвитых» стран, правда, превратилась в десятку (за счёт Чехии, Словакии и Венгрии), иллюстрируя позитив интеграции (при внешне благоприятных условиях и лишь на определённом временном интервале) в структуру сверхкрупного субконтинентального (в формате ЕС и зоны евро) рынка. Впрочем подобное расширение «ареала благополучия» лишь чётче высветило сохраняющуюся социально-экономическую фрагментированность пространства Евразийского материка, асимметрию в условиях, темпах и итогах хозяйственной динамики его страновых и региональных составляющих.

Таблица 3

Кластерная структура динамики валового внутреннего продукта (по официальному обменному курсу) во внутриконтинентальных государствах Евразии за 1995-2020 гг.*

	Объём ВВП, млрд. долл. США		Рост ВВП за 1995-2020 гг.	
	1995 г.	2020 г.	Млрд. долл. США	Раз
Все внутриконтинентальные государства Евразии**	808,6	2594,2	1785,6	3,21
Европейский кластер, в том числе	753,9	2186,7	1432,8	2,90
Страны «старого европейского Запада»***	579,1	1337,7	758,6	2,31
Бывшие социалистические государства Центральной Европы и Балкан	150,9	777,7	626,8	5,15
Государства — бывшие республики СССР****	23,9	71,3	47,4	2,98
Азиатский кластер, в том числе	54,7	407,5	352,8	7,45
Государства — бывшие республики СССР*****	41,8	339,0	297,2	8,11
Афганистан	7,2	19,5	12,3	2,70
Весь мир	26790	90783	63993	3,39

* составлено по данным Всемирного банка <https://datacatalog.worldbank.org/>

** без данных по Ватикану и Южной Осетии

*** Австрия, Андорра, Лихтенштейн, Люксембург, Сан-Марино, Швейцария

**** Беларусь и Молдова

***** Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан

Сохраняющуюся неравномерность развития внутриконтинентальных государств, равно как и продолжающуюся устойчивую концентрацию экономического потенциала преимущественно в европейских, западных, изначально высокоразвитых в хозяйственном

и инфраструктурном отношении странах, стабильных, избежавших существенного влияния геополитических и иных метаморфоз и потрясений конца XX - начала XXI вв., (в полной мере проявивших себя и на постсоветском пространстве, и в пределах Балканского полуострова, и, тем более, в Афганистане) — наиболее наглядно иллюстрирует анализ динамики ВВП в разрезе отдельных субевразийских кластеров и их обособленных по позиционно-геополитическим и цивилизационно-геоисторическим мотивам структурных составляющих (табл. 3).

Действительно, судя по статистике, за исследуемый период именно азиатские внутриконтинентальные государства продемонстрировали наиболее существенные темпы экономического развития (8,11 раза при параллельном росте в 2,90 в рамках Европейского кластера). В результате, если в 1995 г. на страны Азиатского кластера приходилось 6,8 % суммарного ВВП внутриконтинентальных государств Евразии, то в 2020 г. — 15,7 %. Подобная аналитика, тем не менее, лишь отчасти (и достаточно односторонне) способна иллюстрировать «сглаживание» межстрановых (межрегиональных) контрастов, поскольку за последних два с половиной десятилетия именно в Европейском кластере прирост ВВП (в своей фактической «массе») оказался в 4 раза существеннее, чем в Азиатском.

Сохранилось, усугубляясь, и общее экономическое отставание внутриконтинентальных государств в планетарном масштабе: если по итогам 1995 г. суммарная доля лишённых выхода к морю стран Евразии в глобальном ВВП составляла 3,01 %, то 2020 г. — 2,85 %. Данный тренд, кстати, однозначно свидетельствует, что на внутриконтинентальных пространствах Евразии существенно приросла численность людей (представителей демографических общностей соответствующих государств), живущих в экономически худших (в сопоставлении с медианным глобальным уровнем) условиях. Этой крайне неблагоприятной (в том числе геополитически) тенденции в немалой степени способствуют региональные, страновые особенности воспроизводства населения.

Внутриконтинентальные государства Евразии в дихотомии «демографический рост — депопуляция». Ориентируясь на учёт динамики численности населения за истекшие два с половиной десятилетия (табл. 4), всю совокупность внутриконтинентальных государств Евразии можно структурировать на три основные группы.

Первая представлена исключительно государствами Азиатского кластера, продемонстрировавшими сопоставимые со среднемировыми либо выше (как в случае Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Непала, Бутана и, в особой мере — Афганистана) темпы демографического роста.

Вторая — характеризуется немного уступающими мировым темпами прироста численности населения и объединяет экономически наиболее высокоразвитые страны Европейского кластера, притягательные для мигрантов (Швейцария, Австрия, Лихтенштейн, Люксембург, Сан-Марино и Андорра).

Третья группа — это европейские постсоциалистические и постсоветские государства с присущими им либо весьма несущественным приростом числа жителей за 1995-2020 гг. (Чехия, Словакия, Северная Македония), либо депопуляцией (Беларусь, Босния и Герцеговина, Венгрия, Молдова, Сербия). Сюда же (превалирующим демографическим трендом) тяготеет и Армения.

Особое «промежуточное» положение в этой группировке — у Монголии и Казахстана, где в анализируемый период имел место демографический рост, но темп его в 2-3 раза уступал общемировой тенденции.

Анализ внутриконтинентальных государств в разрезе их ранее обособленных кластеров свидетельствует о выраженной разнонаправленности демографической динамики (табл. 5).

Динамика численности населения внутриконтинентальных государств Евразии за 1995 - 2020 годы*
 Таблица 4

	Численность населения, тыс. чел.		Рост (сокращение) численности населения за 1995 - 2020 гг.	
	1995 г.	2020 г.	Тыс. чел.	Раз
Австрия	7948	8917	969	1,12
Азербайджан	7685	10110	2425	1,32
Андорра	64	77	13	1,20
Армения	3217	2963	- 254	0,92
Афганистан	18110	38928	20818	2,15
Беларусь	10194	9399	- 795	0,92
Босния и Герцеговина	3828	3281	- 547	0,84
Бутан	535	772	237	1,44
Венгрия	10328	9750	- 578	0,94
Казахстан	15816	18754	2938	1,19
Киргизия	4560	6592	2032	1,45
Лихтенштейн	31	38	7	1,23
Люксембург	409	632	223	1,55
Молдова	2952	2618	- 334	0,88
Монголия	2980	3278	298	1,10
Непал	21576	29137	7561	1,35
Таджикистан	5764	9538	3774	1,65
Туркменистан	4208	6031	1823	1,43
Сан-Марино	26	34	8	1,31
Сев. Македония	1983	2083	100	1,05
Сербия	7625	6908	- 717	0,91
Словакия	5362	5459	97	1,02
Узбекистан	22785	34232	11450	1,50
Чехия	10327	10699	372	1,04
Швейцария	7041	8634	1593	1,23
Весь мир	5706754	7752840	2046086	1,36

* составлено по данным Всемирного банка <https://datacatalog.worldbank.org/>

** без данных по Ватикану и Южной Осетии

В пределах Европейского кластера положительная динамика численности населения оказалась мизерной (постсоветские страны, включая бывшие союзные республики, при этом, испытали депопуляцию). На этом фоне Азиатский кластер продемонстрировал 1,5-кратный демографический рост (почти на 40 % обеспеченный Афганистаном и на 22 % Узбекистаном).

В итоге, за анализируемый период на Европейский кластер пришлось лишь 0,8 % от всего совокупного (по 27 внутриконтинентальным государствам Евразии) прироста численности населения, но, одновременно, более 80 % прироста ВВП (по официальному обменному курсу). Для Азиатского, напротив, аналогичное соотношение составило 99,2 и 19,8 %. Именно в государствах Центральной Азии, а в ещё большей мере — в соседствующим с ними Афганистане, диссонанс дефицита экономического роста (равно как и корреспондирующего с ним уровня, качества хозяйственного развития) и опережающей (в том числе и глобальный показатель) демографической динамики — оказался наиболее существенен, а фундаментальные (акцентированные столетие назад в

рамках экономико-географического аспекта евразийского учения [6, 14]) характеристики негатива «внутриконтинентальности» — наиболее выражены.

Таблица 5

Кластерная структура динамики численности населения во внутриконтинентальных государствах Евразии за 1995-2020 гг.*

	Численность населения, тыс. чел.		Рост (сокращение) численности населения за 1995 - 2020 гг.	
	1995 г.	2020 г.	Тыс. чел.	Раз
Все внутриконтинентальные государства Евразии**	175336	228867	53531	1,31
Европейский кластер, в том числе	68100	68532	432	1,01
Страны «старого европейского Запада»***	15519	18335	2816	1,18
Бывшие социалистические государства Центральной Европы и Балкан	39435	38180	- 1255	0,97
Государства — бывшие республики СССР****	13146	12017	- 1129	0,91
Азиатский кластер, в том числе	107236	160335	53099	1,50
Государства — бывшие республики СССР*****	64035	88220	24185	1,38
Весь мир	5706754	7752840	2046086	1,36

* составлено по данным Всемирного банка <https://datacatalog.worldbank.org/>

** без данных по Ватикану и Южной Осетии

*** Австрия, Андорра, Лихтенштейн, Люксембург, Сан-Марино, Швейцария

**** Беларусь и Молдова

***** Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан

Выводы. Внутриконтинентальные (лишённые собственного выхода к морю) государства (усреднённо, в своей генеральной совокупности) менее заселены и в ещё более ощутимой степени — экономически менее развиты. Данный вывод проведённого автором анализа, подтверждающий устоявшиеся, «классические» представления и, одновременно, соответствующий сути предложенного видным теоретиком российской (советской) географии Б.Б. Родоманом «позиционного принципа» (согласно которому местоположение существенно, поскольку само по себе «задаёт» определённые специфические свойства, характеристики [22]) в условиях материка Евразия (обширнейшего, крайне неоднородного по природно-климатическим, ресурсно-хозяйственным, селитебным и социокультурным условиям) справедлив лишь отчасти,

главным образом применительно преимущественно к Азиатскому кластеру (объединяющему 11 самостоятельных юрисдикций, включая и все государства Центральной Азии). Именно здесь характерный для последних двух - двух с половиной десятилетий интенсивный экономический рост (за 1995 - 2020 гг. ВВП увеличился в 7,45 раза при среднемировых темпах в 3,39) сопровождается опережающей демографической динамикой (в пределах Азиатского кластера за исследуемый период численность населения возросла в 1,5 раза, в то время как в целом на планете — в 1,36 раза). В итоге, если в 1995 г. душевой ВВП всех локализованных в Азии внутриконтинентальных государств уступал среднемировому в 9 раз, то в настоящее время данный (безусловно вопиющий!) разрыв сократился «всего лишь» до 4 (ни одному из рассматриваемых нами государств, включая Казахстан и Туркменистан, не удалось достигнуть, при этом, «медианного» по планете уровня развития экономики).

Иную ситуацию, другие экономико-демографические тренды демонстрируют внутриконтинентальные государства, локализованные на западной окраине евразийского материка (Европейский кластер), где негатив «фактора внутриконтинентальности» либо не столь ощутим (в постсоветской Белоруссии и Молдове, равно как и в бывших социалистических Сербии, Боснии и Герцеговине, а также в Северной Македонии), либо практически «не работает» (в Швейцарии, Австрии, Чехии и др.), чему есть веские, в том числе непосредственно общественно-географические причины. Подходы к их осмыслению, обоснованию были наработаны, кстати, ещё в рамках марксистского учения, равно как и его последующей аппликации к предметно-объектной сфере географической науки.

Как подчёркивал ещё на рубеже XIX - XX столетий видный теоретик марксизма Г.В. Плеханов — «по К. Марксу географическая среда влияет на человека посредством производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных производительных сил, первым условием развития которых являются свойства этой среды» [21, с. 131]. Опираясь на это (вне сомнения справедливое) видение, лидер советской экономической географии, один из её основоположников Н.Н. Баранский призывал «учитывать географический фактор... в связи с состоянием техники, в связи с производственными отношениями, в связи со всей вообще общественно-исторической обстановкой данной страны на данной ступени её развития» [4, с. 24]. Схожей позиции придерживался (в своей фундаментальной книге «Географический фактор в развитии общества») и Д.А. Анучин, полагая, при этом, что «географический фактор, не определяя причин общественного развития, определял и определяет условия этого развития» [2, с. 325].

Опираясь на взгляды наших выдающихся предшественников, а также учитывая представленную в данной статье экономическую и демографическую аналитику, уместно полагать, что «внутриконтинентальность» (в своих социально-экономических детерминантах, проявлениях) неизменно зависима от всего пространственно-временного природно-общественного контекста. В условиях Западной и Центральной Европы вероятностный негатив «внутриконтинентальности» слабо ощутим в силу не только существенно большей «плотности» населения и экономики, развитости инфраструктуры, но и, в особой мере, — привилегированных, благоприятных позиций локализованных здесь лишённых выхода к морю государств в сложившейся центрально-периферийной социально-экономической структуре европейского субконтинента, внутренне интегрированного (прежде всего — в формате ЕС) и, параллельно, плотно включённого в глобальные (преимущественно морские) мирохозяйственные воспроизводственные цепочки и обмены.

В азиатском секторе Евразии «фактор внутриконтинентальности» в постсоветский период, напротив, проявил себя предельно «классически», в том числе и благодаря большей (чем в Европе) физической, технической и экономической удалённости

соответствующих государств от моря, от тяготеющих к океаническим акваториям важнейших пространственно-локализованных рынков и мирохозяйственных потоков. Демонстрирующая свою остроту, актуальность проблематика «внутриконтинентальности» обширных азиатских пространств, в итоге, не только (и не столько) собственно географическая, сколько политико-экономическая, геополитическая. А устоявшийся, практически вековой нарратив «экономической обездоленности» лишённых выхода к морю территорий в подавляющей массе ситуаций — подчас лишь вуалирует извечно воспроизводимое (в особой мере присущее капитализму[7]) неравенство «центра» и «периферии», метрополий и сфер их влияния, равно как и предельно рельефно проявляющееся социально-экономическое неблагополучие ареалов геополитического противостояния и «дележа».

Завершая хотелось бы подчеркнуть, что как нет (в принципе не может быть!) абсолютно единого типажа «внутриконтинентальности» для всех планетарных мегапространств и на все времена, так заведомо окажутся лишены позитивной перспективы и унифицированные, стандартизированные, односторонние «рецепты» преодоления её экономического деструктива. Наиболее предпочтительным, в том числе и для государств Центральной Азии, видится, при этом, адаптивное (учитывающее локальные и региональные условия по принципу «здесь и сейчас») и системное, сбалансированное задействование в экономической практике потенциала интеграционных стратегий (как в «океаническую» экономику, так и с «внутриконтинентальными соседями») с предельно возможной диверсификацией своих национальных хозяйственных комплексов, дополняемое купированием вероятностных (в последнее время вновь существенно возросших) рисков геополитической и этнополитической дестабилизации.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Использованная литература:

1. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. Москва: Мысль. 1977. 199 с.
2. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. Москва: Мысль. 1982. 334 с.
3. Бакланов П.Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015 (5). С. 8-19
4. Баранский Н.Н. Краткий курс экономической географии. Москва: Государственное издательство. 1928. 139 с.
5. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
6. Безруков Л.А. Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015. С. 12 - 23
7. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 1 Структуры повседневности: возможное и невозможное. Москва: Изд-во «Весь мир». 2007. 592 с.
8. Вардомский Л.Б. Транспорт, транзит и развитие внутриматериковых стран Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. ИНИОН РАН. 2018. С. 457-458.
9. Горшков С.Г. Морская мощь государства. Москва: Воениздат. 1976. 416 с.
10. Джаракян А.Л. Проблемы доступа к морю внутриконтинентальных государств в международно праве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2000. 167 с.
11. Дружинин А.Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 24-38
12. Дружинин А.Г. Концепт «внутриконтинентальных соседств» в идеологемах основоположников евразийства // Научная мысль Кавказа. 2020. № 2 (102). С. 5-13.

13. Дружинин А.Г., Лачининский С.С. Россия в Мировом океане: геополитические и геоэкономические интересы, масштаб и форматы «присутствия» // Известия Русского географического общества. 2019. Вып. 6. С. 1-19
14. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону. Таганрог. 2021. 270 с.
15. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. Москва: Аспент Пресс, 2002. 479 с.
16. Лавров С.Б. Экономическая география Мирового океана. Ленинград: Наука. 1979. 48 с.
17. Минакир П.А. Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 5-18
18. На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон. 1922 г. 357 с.
19. Новая географическая картина мира. Ч. 1. Учеб. пособие. Под ред. В.А. Колосова, Д.В. Зайца. Москва: Дрофа, 2020. 319 с.
20. Окунев И.Ю. Политическая география. Москва: «Аспект Пресс». 2019. 512 с.
21. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 3. Москва: Мысль. 1957. С.124-196
22. Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды. Смоленск: Ойкумена. 2007. 368 с.
23. Смыслов Д. Эволюция глобализации мировой экономики: современные тенденции// Мировая экономика и международные отношения. 2019. т. 63. № 2. с. 5-12
24. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А.Г. Дружинина. Ростов на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 236 с.
25. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. Москва: Новый хронограф. 2009. 372 с.

References:

1. Alaev E.B. (1977), *Economic-geographical terminology*, Moscow, 199 p. (in Russ.)
2. Anuchin V.A. (1982), *Geographical factor in the development of society*, Moscow. 334 p. (in Russ.)
3. Baklanov P.Ya. (2015), Pacific Russia: geographical and geopolitical factors of development, *Izvestia of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical*, No 5, pp. 8-19. (in Russ.)
4. Baransky N.N. (1928), *A short course in economic geography*, Moscow, 139 p. (in Russ.)
5. Bezrukov L.A. (2008), *Continental-oceanic dichotomy in international and regional development*, Novosibirsk, 369 p. (in Russ.)
6. Bezrukov L.A. (2015), The economic and geographical concept of Eurasianism and its development at the present stage, *Socio-economic geography. Bulletin of ARGO*. No 4, pp. 12-23 (in Russ.)
7. Braudel F. (2007), *Material civilization, economy and capitalism, XV-XVIII centuries. Vol. I Structures of everyday life: possible and impossible*, Moscow, 592 p. (in Russ.)
8. Vardomsky L.B. (2018), Transport, transit and development of the intra-continental countries of Eurasia, *Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook*, Moscow, pp. 457-458. (in Russ.)
9. Gorshkov S.G. (1976), *The sea power of the state*, Moscow, 416 p. (in Russ.)
10. Dzharakyan A.L. (2000), *Problems of access to the sea of inland states in international law: dis. ... PhD of Legal Sciences*. Moscow, 167 p. (in Russ.)
11. Druzhinin A.G. (2017), Geo-economic interdependencies and geopolitical alliances in the modern Eurasian space, *Socio-economic geography. Vestnik ARGO*, No. 6, pp. 24-38 (in Russ.)
12. Druzhinin A.G.. (2020), The concept of "intra-continental neighbors" in the ideologems of the founders of Eurasianism, *Scientific Thought of the Caucasus*. No. 2 (102), pp. 5-13. (in Russ.)
13. Druzhinin A.G., Lachininsky S.S. (2019), Russia in the World Ocean: geopolitical and geo-economic interests, the scale and formats of "presence", *Izvestiya Russian Geographical Society*, Issue. 6, pp. 1-19. (in Russ.)
14. Druzhinin A.G.. (2021), *The ideas of classical Eurasianism and modernity: socio-geographical analysis*, Rostov-on-Don – Taganrog, 270 p. (in Russ.)

15. Kolosov V.A., Mironenko N.S. (2002), *Geopolitics and political geography*, Moscow, 479 p. (in Russ.)
16. Lavrov S.B. (1979), *Economic geography of the World Ocean*, Leningrad, 48 p. (in Russ.)
17. Minakir P.A. (2008), Imaginary and real disproportions of economic space, *Spatial economics*, No. 4, pp. 5-18. (in Russ.)
18. *On the tracks. The statement of the Eurasians. Book two* (1922), Berlin, 357 p. (in Russ.)
19. *A new geographical picture of the world. Part 1. Study guide* (2020). Edited by V.A. Kolosov, D.V. Zayats, Moscow, 319 p. (in Russ.)
20. Okunev I.Yu. (2019), *Political geography*, Moscow, 512 p. (in Russ.)
21. Plekhanov G.V. (1957), *Selected philosophical works*, Vol. 3. Moscow, pp. 124-196 (in Russ.)
22. Rodoman B.B. (2007), *Geography, zoning, cartography*, Moscow, 368 p. (in Russ.)
23. Smyslov D. (2019), The evolution of the globalization of the world economy: current trends, *The world economy and international relations*, vol. 63, No. 2, pp. 5-12. (in Russ.)
24. *Socio-economic development of the coastal territories of the European part of Russia: factors, trends, models* (2016). Edited by A. G. Druzhinin, Rostov-on-Don, 236 p. (in Russ.)
25. Treyvish A.I. (2009), *City, district, country and the world. The development of Russia through the eyes of a country scientist*, Moscow, 372 p. (in Russ.)

Сведения об авторе:

Дружинин Александр Георгиевич — Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва), доктор географических наук, профессор, E-mail: alexdru9@mail.ru

Information about the author:

Druzhinin Alexander – President of the Association of Russian Social Geographers (ARGO), Director of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University (Rostov-on-Don), Leading Researcher at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Doctor of Geography, Professor, E-mail: alexdru9@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А.Г. Внутриконтинентальные государства современной Евразии: экономические позиции и демографическая динамика // Центральноазиатский журнал географических исследований. 2021. № 1-2. С. 4-18.

For citation:

Druzhinin A.G. (2021), Intercontinental states of modern Eurasia: economic positions and demographic dynamics, *Central Asian journal of the geographical researches*, No 1-2, pp. 4-18. (In Russ.).